



Лидия ГЕРМАН

# Немка

Повесть  
о забытой  
юности

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Ли́дия Герман

**Немка. Повесть о  
незабытой юности**

«Алетейя»

2016

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Герман Л.**

Немка. Повесть о незабытой юности / Л. Герман — «Алетейя»,  
2016 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-906823-20-5

Первоначально это произведение было написано автором на немецком языке и издано в 2011 г. в Karl Dietz Verlag, Berlin под заглавием *In der Verbannung. Kindheit und Jugend einer Wolgadeutschen* (В изгнании. Детство и юность немки из Поволжья). Год спустя Л. Герман начала писать эту книгу на русском языке. Безмятежное детство на родине в селе Мариенталь. Затем село Степной Кучук, что на Алтае, которое стало вторым домом. Крайняя бедность, арест отца, которого она никогда больше не видела. Трагические события, тяжелые условия жизни, но юность остается юностью... И счастье пришло.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906823-20-5

© Герман Л., 2016  
© Алетейя, 2016

## Содержание

Вступление	9
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Лидия Герман

## Немка: повесть о незабытой юности

© Л. Герман, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

\* \* \*

Первому секретарю ЦК КПСС  
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу  
от гражданина Евтухова Георгия Ивановича  
г. Новосибирск, 1 декабря 1955 г.

Решением Правительства осенью 1941 г. все немцы Поволжья были выселены в Восточные районы страны, взяты на специальный учёт и лишены права выезда в другие области и края Союза.

На том историческом этапе это мероприятие было своевременным и необходимым. Тогда, естественно, не время было разбираться, кто прав из них, кто виноват. На фронте и в тылу решалась судьба отечества – в рамках государства.

Но вот прошло уже более десяти лет со времени победоносного окончания Великой Отечественной войны. Наступило ощутимое ослабление международной напряженности. Налицо громадные успехи во всех областях науки, техники, искусства, культуры, подъем материального благосостояния.

Это чувствуют все простые люди и очень хорошо видят разницу между 1946 и 1955 годами. (Всё это, конечно, не означает, что мы должны забыть о бдительности.)

В последнее время наше государство нашло возможным освободить подавляющее большинство немецких и японских военных преступников.

А вопрос о наших, советских немцах, по непонятным причинам, остается на прежних позициях. И это как-то не укладывается в сознании и становится настолько неясным в настоящих условиях, насколько это было ясно и понятно в годы войны.

На мой взгляд, здесь явное противоречие с марксистско-ленинским учением по национальному вопросу.

Действительно, марксизм-ленинизм признает равные права за всеми народами, как большими, так и малыми. А раз это так, то необходимо, чтобы все национальности нашего Союза пользовались равными правами.

- 1 -

Original

Первому секретарю ЦК КПСС  
товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу  
от француженки  
Евтухова Галии Ивановны  
г. Новосибирск, 1 декабря 1955 г.

Решением Управления осенью 1941 г.  
все книги Павла были вынесены в Военно-  
ные работы Европы, взятые на специальный  
участок и имели права въезда в другие  
области и края Союза.

На наш исторический этап это ме-  
раприятия были своевременными и необходимыми.  
Многие, естественно, не могли бы разбираться  
ни в чем из них, ни в том, ни в другом. На Европе  
и в нашу историю судьба немцев - в рамках  
государства, и судьба завоеванных французов  
~~в мировом масштабе.~~

Но вам известно уже более десяти лет  
со времени окончания победоносной Великой  
Отечественной войны.

~~(Мировому империализму нанесен очередной  
сокрушительный удар. Советские силы  
уже один немецкий шаг на пути к  
империализму.)~~ Нашим основным ослаб-  
лением международного империализма.  
Нашим главным успехом во всех областях  
науки, техники, искусства, культуры, матери-  
ально-бытового обеспечения.

Письмо Евтухова Г. И.

Я, правда, не знаю, какой вред Советскому государству нанесли немцы Поволжья, и какое количество их принимало участие в измене или тому подобном. Достоверно одно - безусловно, не все.

Но я слышал о предателе Власове и власовцах. Там были и русские, и украинцы.

Но ведь не все русские и украинцы несут ответственность за Власова, власовцев и других предателей Родины (это же абсурд!).

Так почему же все немцы или, точнее говоря, большая их часть, должны пожизненно отбывать какую бы то ни было повинность за чьи-то преступления?!

Я считаю, что сейчас соответствующие органы нашего государства имеют полную возможность разобраться с каждым немцем персонально (за 14 лет спецкомендатуры должны иметь у себя подробные характеристики на каждого из них. Времени для этого было более чем достаточно).

Для большинства немцев пора прекратить позорящие честь гражданина и оскорбляющие человеческое достоинство отметки в комендатурах, а также повинность жить безвыездно в одном месте.

Скажите, кто в нашем Союзе не любит своей столицы – Москвы?! Кто из молодёжи (да разве только из молодёжи?!) не мечтает о том дне, когда он сможет побывать в Москве – центре всего передового и прогрессивного в мире?!

В Москву едут со всех концов света. Едут люди всех национальностей и рас. Едут наши друзья и враги. Для всех открыты гостеприимные двери Столицы первого в мире пролетарского государства. Все имеют право побывать в ней.

А ты, гражданин Советского Союза, но только потому, что ты немец – лишен этого элементарного права. Это довольно-таки обидно.

Я хочу сказать больше. Я – русский. У меня юридически этого права никто не отнимал. И в то же время, я не могу воспользоваться этим правом. Моя жена, Герман Лидия Александровна, – немка. В 1941 году ей было 12 лет (вот поистине „маститый государственный преступник“!).

Эта женщина получила среднее образование в русской школе, была пионеркой, комсомолкой, пионервожатой, затем работала преподавателем немецкого языка. В этом году она оканчивает курсы мастеров-строителей.

В 1953 году в Барнаульском ЗАГСе зарегистрировали наш брак. Но, несмотря на наше общее желание, она не может носить мою фамилию. (Ну разве можно?! Она же немка!)

Осенью 1953 года я, проработав после окончания Барнаульского строительного техникума 3 года мастером-строителем, поступил учиться на Высшие инженерные курсы при Новосибирском инженерно-строительном институте.

И тут (почти как по А. Толстому) началось хождение по комендатурам Барнаула, чтобы получить разрешение на переезд моей жены из Барнаула в Новосибирск. Никто не отказывал – все обещали, а время шло. И в день отъезда ей предложили остаться еще на месяц-полтора в Барнауле.

Мы уехали без разрешения. (Нехорошо, конечно. Но с другой стороны: мы ведь живём во второй половине XX века.)

В Новосибирской комендатуре ей после этого „тягчайшего преступления“ заявили: „Ваше счастье, что вы идете в роддом, а то бы следовало вас судить“.

А в институт явился сотрудник комендатуры и „учинил“ мне довольно странный и, я бы сказал, не совсем умный „допрос“.

Зачем всё это? И многое другое, что здесь не написано?

В июне 1956 года я оканчиваю институт и хочу ехать туда, куда найдут нужным меня направить. Я хочу ехать со своей семьей – женой и сыном.

Но я не хочу, чтобы мою жену и мать моего сына судили (ведь она, возможно, будет не беременная) только за то, что мы хотим с ней жить и работать в одном месте.

И, наконец, я думаю, здесь уместно привести слова из Вашей речи в Индийском парламенте: „В нашей стране строго соблюдается полное равноправие всех граждан СССР, независимо от их национальности и расы. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение

прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от расовой или национальной принадлежности, караются законом". („Правда" от 22 ноября 1955 г.)

Я думаю, этот тезис следует претворить в жизнь на деле.

Уважаемый Никита Сергеевич! Прошу извинить меня за то, что я отнимаю у Вас время, а также за возможно не совсем правильное толкование отдельных положений, изложенных мной в письме.

Ваше решение по данному вопросу прошу сообщить по адресу:

Новосибирск, 8  
ул. Ленинградская, 57  
НИСИ Евтухову Г. И.

или:

Новосибирск, 8  
ул. Красноармейская, 61  
Евтухову Г. И.

## Вступление

Село Мариенталь бывшей Республики Немцев Поволжья было основано в 1766 году на берегу одного из притоков Волги – Большого Карамана. Среди первых колонистов, пришедших в большинстве из швабских земель Германии, было две семьи по фамилии Herrmann (Герман).

Первый был Конрад Herrmann, возраст 51 год, католической веры, ремесленник из Лотарингии с женой и пятью детьми.

Второй, Николаус (Nikolaus) Herrmann, 39 лет, католической веры, землепашец из Люксембурга, с ним жена и четверо детей. (Данные по книге г. Плеве.)

С течением времени размножились семьи во много раз, к тому же поселились в последующие годы еще несколько семей по фамилии Herrmann.

В какое-то время, каким-то образом потерялось одно *p* (*r*) из немецкой фамилии Herrmann, и к началу войны 1941 г. было столько Германов (Herrmann's) в Мариентале, что можно было распознавать их только при помощи прозвищ.

В убожестве построенная деревенька с глиняными домиками превратилась в большое статное село, которое на первый взгляд определялось как „немецкое“.

Временами село называлось Тонкошуровка или Пфанненштиль, но осталось оно как Мариенталь до конца августа 1941 г. и являлось одним из центров республиканских кантонов (так назывались районы в республике).

В начале XX столетия в одном из красивых добротно построенных домов главной улицы села, называемой „Брайте Гассе“ (Широкая улица), жил со своей семьей Иоганнес Герман. Его прозвище было Франце. С какого времени это прозвище пристало и кто из тех первых двух поселенцев был его предком, никто на сегодняшний день не знает. Считалось, что с давних времен его предки занимались земледелием. Так и Франце Ханнес – так называли его – придерживался семейной традиции. Его первая супруга Доротеа, рожденная Боос, умерла, когда их младшему, четвертому ребенку было около 5 лет. Дети были: Александр 1886 г., Серафина 1889 г., Анна 1891 г. и Николаус 1896 г. рождения. Вторую жену звали Маргарет.

Совсем немного дошло до нас из жизни этой семьи. Ничего не известно об отце Иоганнеса, о его братьях-сестрах, которые якобы выехали не то в Канаду, не то в Бразилию. Годы революции и их последствия привели к тому, что многие стали скрывать своё прошлое и просто боялись, что в их рассказах о родственниках может кто-то усмотреть что-нибудь „контрреволюционного характера“. Родственные связи усложнились, запутались...

Однако известно, что семья Франце Ханнес была зажиточной. Со второй женой Маргаритой он тоже имел четверых детей: Эмма 1903 г., Берта 1906 г., Петер 1908 г. и Альфонс 1911 г. рождения.

Все его сыновья были высокого роста, относительно крепкого сложения и приятной наружности. Дети от первого брака были кареглазы со смугловатым цветом кожи, от второго брака – голубоглазы и белокуры. Сами Ханнес и Маргарет тоже были блондинами.

Старший сын Александр подружился с симпатичной привлекательной блондинкой Синэ, полное имя – Euphrosine Rohg, которая тоже, как и он, произошла от первого брака своего отца Петера Роор. В 1905 г., когда обоим было по 19 лет, они поженились. Все они жили в одном доме и вели совместное хозяйство. Лето проводилось, в основном, в поле вместе с детьми, со скотом и всеми пожитками. Маргарет и невестка Синэ рождали каждые 1,5–2 года по ребёнку, но первые двое детей от Синэ и Александра умерли совсем маленькими. К началу революции у Александра с женой были: Мария 1910 г., Элла 1911 г. и Клеменс 1914 г. рождения.

Случилось так, что большая семья Франце Ханнеса распалась. Старшие две дочери (от первого брака) Серафина и Анна очень рано вышли замуж, младший сын от первого брака Николаус совсем юным ушел из дома и, возможно, пропал без вести в годы Первой мировой

войны. Александр, теперь уже как глава семьи – Франце Сандер – тоже ушел из дома. Он снял в аренду небольшое жилище для своей семьи.

Эмма, первая дочь от второго брака стала прехорошенькой девочкой, успешно училась в школе, вступила в комсомол и увлеклась новыми идеями... Позже она училась в Саратове и пять лет в Москве. К началу войны, в 1941 г., она работала в Ленинграде старшим научным сотрудником Музея Революции (в Эрмитаже).

Уже стареющему Иоханнесу Герману (Франце) не давали покоя мысли о сыне Александре, который ютится с семьей в чужом маленьком домике, когда он сам владеет хорошим домом с большим двором. И когда однажды летом разразилась страшная эпидемия и Александр был далеко в поле (?), его невестка Синэ заболела брюшным тифом. После того, как детей приютили соседи и Синэ пролежала несколько дней совершенно одна дома (но всё-таки выжила), решился Ханнес разделить свой большой двор и построить для сына дом, хотя бы небольшой...

В 1924 г. вселилась семья Франце Сандер в новый небольшой, но добротно построенный, светлый и уютный деревянный дом.

В феврале 1929 г. родилась в этом доме я.

С этого года началась в России, включая и Республику Немцев Поволжья, коллективизация сельского хозяйства, личная собственность подлежала конфискации. Под лозунгом „Всё принадлежит социалистическим колхозам" проводилась якобы добровольная, а на самом деле насильственная коллективизация. Естественно, встретили эти мероприятия сопротивление у населения, особенно у зажиточной части. Некоторые оказывали упорное сопротивление и были за это раскулачены и сосланы (или еще хуже)...

Мой дед Франце Ханнес недолго сопротивлялся. Он пошел в правление колхоза и с присущим ему самообладанием, сдержанным тоном сказал: „Я отдам всё, что имею, всё без остатка, весь инвентарь, все с.х. оборудование, всю скотину, которую имею и весь запас зерна. Ничего не утаю, но оставьте меня, пожалуйста, с семьей в моём доме".

Трёх лошадей, коров, коз, овец увели со двора деда в колхоз, инвентарь и зерно увезли. Так осталась семья в своем доме.

Погруженный в грустные мысли, сидел Иоханнес Герман в своём деревянном кресле, когда на следующий день он услышал жалобное ржание перед воротами своего двора... а потом мычание и блеяние... – скотина вернулась. Невыносимо было это старому человеку. Петр и Альфонс увели скотину обратно.

С горя, с тоски-печали Франце Ханнес заболел и в конце 1931 года умер. Семерых детей он оставил, шестерых внуков и внучек довелось ему увидеть. Младшей из всех была я. Мне было неполных 3 года, когда он за несколько дней до своей смерти пожелал увидеть свою младшую внучку. И мама повела меня за руку к дедушке. Когда мы вошли в его комнату, он с трудом приподнялся, спустил ноги с кровати, слегка болтал ими и, улыбаясь, поманил меня к себе. Мама потом говорила, что я с широко открытыми глазами и тоже улыбаясь, глядя ему в глаза, медленно подошла к нему. Мама помогла усадить меня на его колени. Он обнял меня, а я не спускала глаз с его лица. Он закрыл глаза, и я видела, как катились слёзы по его щекам.

„Ты моя маленькая белая козочка, – говорил он, поглаживая внучку по голове. – Твой дедушка уже такой старый, что он не может тебя даже немного покачать". Он немного напрягся, выправился и заговорил медленно, пытаясь при этом в такт с текстом слегка приподнимать колени, воспроизводя на нашем швабском диалекте народную немецкую (швабскую?) песенку-приказку незамысловатого содержания и примитивного сложения, но любимую всеми детьми, особенно если тебя качал на коленях, присказывая, папа или дедушка.

Droß, droß Drillje  
Dr Vadr hat'n Fillje  
S Fillje kann nit laawa,

Dr Vadr will's wrkaawe  
Hopp, hopp, hopp!..

Речь идет в ней о жеребёнке, который не мог бегать, и дед (или крестьянин) хотел его продать.

„Уфф, – закончил мой дед, запыхавшись. – Я уже сильно устал, дитя мое". Я сползла с его колен, а он: „Подожди-ка, малышка моя". Из-под своей подушки он достал небольшую чурочку и попросил свою невестку (мою маму) достать из выдвижного ящика стола чернильный карандаш (мы называли его химическим карандашом). „Теперь смотри-ка, белоголовка моя, теперь мы из этого сделаем куклу".

Чурочка оказалась выструганным человеческим тельцем с довольно четко обозначенной формой головы, плечиками и прижатыми к телу руками. Я внимательно наблюдала за дедом, как он слюнявил карандаш и дрожащими руками рисовал этой кукле лицо. Затем он достал из кармана большой носовой платок, завернул куклу и протянул её мне.

„Пусть твоя мама сошьёт тебе другое одеяльце, ты можешь и это оставить... А теперь... расти большая, в хорошем здоровье, будь умной и веди себя хорошо". Он говорил медленно, почти шепотом. „Синэ, смотри хорошо за ребёнком". „Да, – ответила она и обратилась ко мне. – Скажи спасибо своему дедушке". Я подошла к кровати совсем близко, он лежал с закрытыми глазами. „Спасибо, дедушка". Он открыл глаза и кивнул мне слабо, но улыбаясь.

Я очень хорошо помню то, о чем здесь написала. Может быть, этот эпизод моего раннего детства так четко и ярко запечатлен в моей памяти потому, что мне несколько раз приходилось слышать, как моя мать рассказывала об этом кому-нибудь из родственников, особенно моей тете Анне – сестре моего отца. Она приезжала из Энгельса и каждый раз спрашивала меня, хорошо ли я помню дедушку. Я рассказывала, а у неё катились слёзы по щекам.

Мёртвым я его не видела.

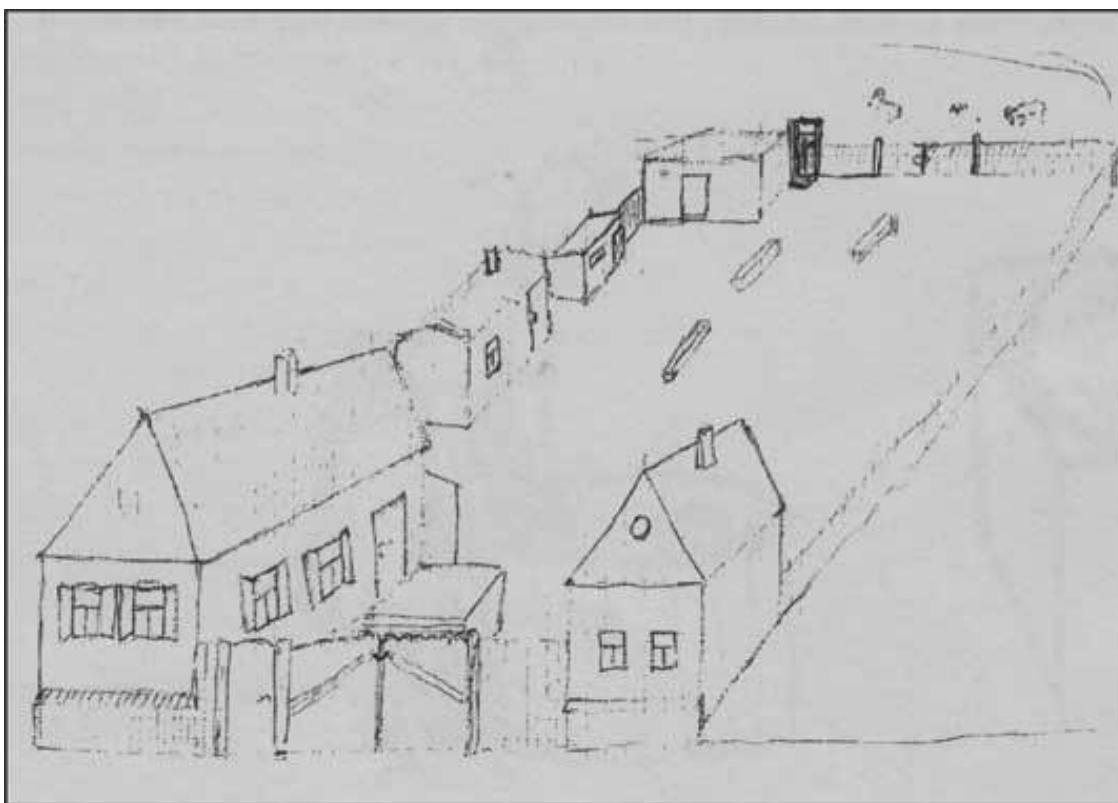
Волшебной осени пора  
когда на золоте листья  
в упоеньи взоры отдыхают...  
Задумчиво бредёшь  
уже нелёгким шагом  
порой с улыбкою под листопадом...  
И в тихом шорохе листья  
воспоминая оживают,  
а в них  
среди трагических свершений  
юность расцветает

*Л. Герман*

## Часть первая

### Глава 1

Само название села Мариенталь имело для меня с самого детства особое значение, и по сей день оно не утратило своего магического воздействия на меня. Самые ранние воспоминания о моем детстве, о родителях, о родном доме, о родственниках, о школе, о любимой подруге – всё заключено в одном этом слове: Мариенталь. Население села было немецкое, вероисповедание католическое. Но в наше советское время, время сталинизма, религия не только осуждалась, она была запрещена.

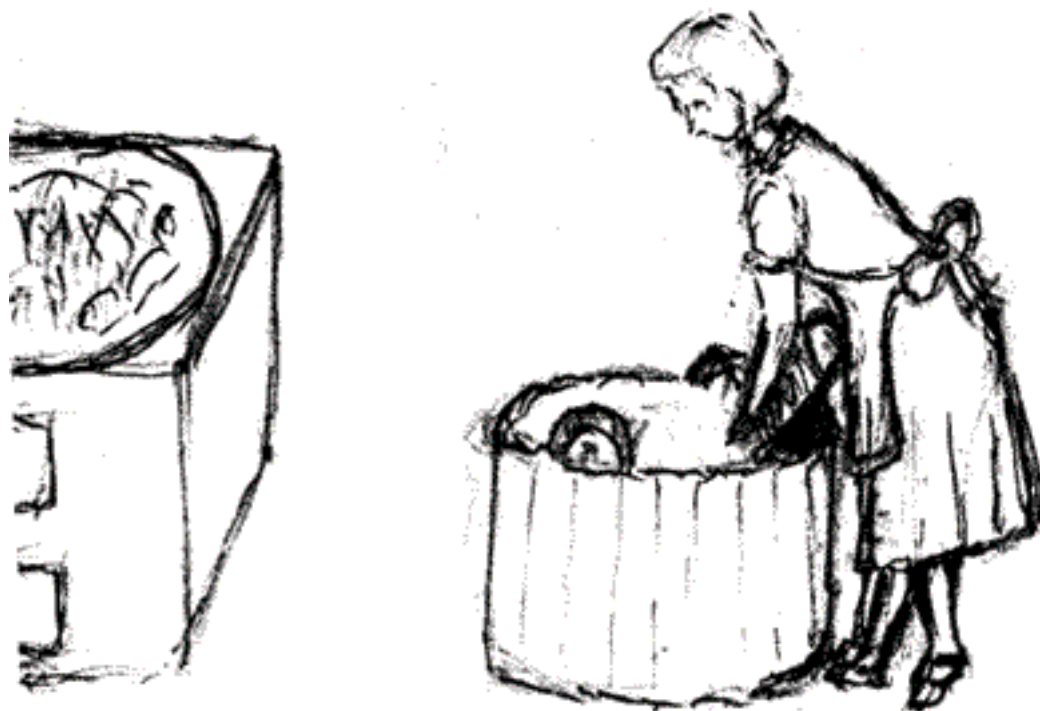


С церкви были сняты колокол и крест. Церковь преобразовалась в своего рода клуб или киноклуб. Демонстрировались фильмы „Чапаев“, „Александр Невский“, „Три танкиста“, „Волга-Волга“ и фильм с Чарли Чаплином. В школе праздновались праздники 1 мая, День октябрьской Революции – 7 ноября, и Новый год. Дома праздновались еще Пасха (Ostern) и Рождество (Weihnachten) по новому стилю – при закрытых ставнях, таинственно, что придавало особую прелесть празднику Рождества. Отец мой работал на мельнице приёмщиком, мать была домохозяйкой и наилучшим образом создавала нам уют и благополучие, хотя и скромное.

Когда я появилась на свет, моим родителям было по 43 года, сестре Марии 19 лет, сестре Элле неполных 18. За ними следовали еще дети, но они умерли. Сестры рано вышли замуж, и я росла одна в семье. В моей памяти сохранились родители далеко не юными. У мамы уже заметно обозначились морщинки, ей доставало уже нескольких зубов, её пышные белокурые волосы были с весьма заметной проседью. Но её по-девичьи стройная фигура сохранилась. Повседневная работа её заключалась в стирке, варке, стирке, глаженье, уборке и уходе

за животными; она искусно пряла на прялке овечью шерсть и вязала нам тёплые вещи. Любила вышивать. При выполнении этих обыденных работ она производила на меня впечатление привлекательной грациозности. Никогда не видела её согнувшейся, усталой. Её фартуки были безупречно чисты, а банты, завязанные на спине, выглядели только что выглаженными.

На нашем дворе сушилось белоснежное белье. Я любовалась своей мамой, когда она проходила между двумя натянутыми верёвками и с любовью поглаживала развевающееся белье – оно не должно пересохнуть. Своевременно разжигали уют с древесным углем. Тогда она гладила – ловко, умело, искусно.



В кухне она была просто волшебница, и наши родственники хвалили Синэ – так звали её, дескать, из ничего она может приготовить вкусную пищу. Как это у нее получается? Если она стряпала, соседи просто по запаху определяли, что Синэ сегодня стряпает. Иногда на этот запах приходили мои подружки, тогда мама усаживала нас рядом на скамейке, и мы получали по кусочку пирога или плюшки. Болтая ногами и улыбаясь, мы смотрели друг на друга и с удовольствием вкушали мамину стряпню. Мой любимый дядя Петя (Petereonkel) тоже приходил и спрашивал: „Синэ, что ты тут опять печешь? Такой запах!“ ...

Мой отец был лучший в мире папа. С нетерпением ждала я его в нашем дворе, когда он приходил с работы. Он, поднимая меня высоко (лет до 9), щекотал мои щеки своим небритым лицом, но никогда не целовал. В нашей семье тогда никто не целовал детей. Никогда. Затем всё его внимание обращалось к животным. Две дойные козы, две-три овцы, поросёнок и собака собирались вокруг него. Поочередно он поглаживал, похлопывал, говоря при этом по несколько слов. И они знали, что если он пришел, то они получают еще что-то в свои корытца.

После этого он переодевался и умывался. Летом у умывальника во дворе, зимой в доме. Тогда мы садились за стол и ужинали. Мои родители и я.

После ужина он всегда находил некоторое время для меня. Я должна была отгадывать загадки, решать какие-нибудь затейливые задачи, или мы играли. Например: „Кто сильнее“. Мы становились на четвереньки друг перед другом, обвязывали наши головы длинным полотенцем или ремнем и тянули каждый на свою сторону. Я тянула со всей силы, а папа делал вид, что я немного сильнее, чем он. Он был молчаливым человеком, но если говорил, то со смыс-

лом и понятием. За это его многие уважали и приходили к нему за советом в самых различных жизненных ситуациях и с любыми проблемами. Мать гордилась им за это.

В нашем дворе жила моя сестра Мария со своей семьей в маленьком домике, построенном моим отцом и мужем Марии – Александром Цвингером. Хозяйство у нас с ними велось каким-то полусовместным образом. У них была своя корова, а овцы, куры, свинья были общими. Старшая их дочь Марийхе, на три года младше меня, часто бывала у нас, и мой отец – её дедушка – много занимался и с ней.

Одну из наших коз звали Лускэ. Она была совершенно белая, и у неё были большие закругленные рога, которые за лето заметно выросли, и один из них каким-то образом постоянно касался шеи, что обусловило появление небольшой раны. Мама жаловалась, что Лускэ стала нервной и даже молока стала меньше давать. Лускэ всегда считалась образцовой козой именно за то, что давала молока намного больше других коз. Теперь такая беда с рогом. Родители мои решили, что надо кусочек этого рога отпилить.

И вот однажды в воскресенье папа пошел с пилой в руках в заднюю часть двора. На его зов Лускэ тотчас доверительно подбежала. Грустно смотрела я на свою любимую белую красавицу-козу, которую я мечтала когда-нибудь научиться доить. Отец взял её за правый рог, который надо было укоротить, и позвал меня: „Один я, наверно, не справлюсь. Держи-ка её за левый рог“. Неуверенно я взялась двумя руками за Лускин рог.

„Крепко держи!“ сказал папа и начал пилить. Сразу же коза проявила беспокойство, начала дергаться. А когда, вероятно, стало ей больно, она со всей силы стала вырываться, но тщетно – кончик рога упал наконец на землю. Коза сразу же отступила несколько шагов назад, отряхнулась и совсем недружелюбно уставилась на меня, стала в позу и хотела на меня наброситься. Родители мои удержали её и отвели в сарай (Stall).

С тех пор Лускэ невзлюбила меня. По-немецки говорят: Sie stand mit mir auf Kriegsfuß (в состоянии войны).

Она просто не могла понять и поверить, что её хозяин, добрейший из всех, мог ей причинить такую боль. Во всем была виновата „эта“, которую все называли „белая коза“ или просто „Лида“. Часто я замечала, как Лускэ, стоя где-нибудь у изгороди нашего двора и жуя свою жвачку, наблюдала за всеми и всем, что происходило у нас во дворе. И мне казалось, что она всё понимает и каждого видит насквозь...

И если кто-нибудь приходил к нам спрашивал меня, поглаживая мне голову „Ну, белая коза (или козочка), как дела?“, то белая коза была не Лускэ, а я.

Для меня началась мучительная пора, когда я была вынуждена бояться моей любимицы и не знала, каким образом я бы могла с ней опять подружиться. Каждый раз, когда я возвращалась из школы, я должна была сначала посмотреть в чуть приоткрытую калитку, где находится Лускэ. Если она была в задней части двора, то я успевала добежать до крыльца, подняться по ступенькам и открыть дверь в дом. Она же прибежала к ступеням и стояла, тарачась на меня, и недовольно перебирала ногами. (На крыльцо никогда ни одно из животных, кроме кошки, не поднималось.) Если же коза была недалеко от калитки, то я вынуждена была с улицы взобраться на завалинку и постучать в окно. Тогда выходила мама и отводила козу к задним воротам, и я заходила. Обидно мне это было до слёз. Несколько раз пыталась моя мать помирить Лускэ со мной. Ласково приговаривая, поглаживала её и подзывала меня. Коза вырывалась и намеревалась пойти в наступление на меня.

Так прошло около двух месяцев.

Из разговоров взрослых до меня дошло, что у Луски скоро будут козлятки. Я присмотрелась к ней и увидела, что она стала очень толстой. „Ага, – думаю, – теперь ей, наверно, будет трудно меня догнать. Может, мне удастся её погладить“. Но не тут-то было. Лускэ с прежней прытью пускалась вдогонку. В одно из предрождественских воскресений, когда папа сидел за столом и читал свою любимую газету „Известия“ (Nachrichten), мама принесла из другой ком-

наты ватный костюм папы, который он получил на своей мельнице как зимнюю спецодежду и на котором что-то надо было изменить: подшить, ушить или просто пуговицы перешить.

Теперь мама попросила его померить костюм, чтобы определить нужные изменения. Папа же, погруженный в чтение, буркнул только в ответ „ага" и читал дальше. Мама ушла на кухню, оставив костюм на полу посреди комнаты. Я стояла возле него, размышляя: „может, мне померить костюм?" И тут же осенила идея... Я стала натягивать на себя папину стёганую спецодежду 54 размера. Можно себе представить, как я в неполных 10 лет выглядела. Брючный ремень я обвила вокруг живота 2–3 раза, штанины с прорехами, которые внизу завязывались бечёвками, тоже как-то закрепила. Плечевой шов куртки доходил до моих локтей, рукава свисали до пят. Я посмотрела в зеркало – чучело огородное. Не хватало только шляпы. Вместо этого я надела папину зимнюю шапку... „Ни за что Лускэ меня не узнает" – решила я.

Она стояла у задних ворот и жевала свою жвачку. Когда я подошла поближе, она перестала жевать и отступила на шаг. „Ага, – думаю, – испугалась. Теперь она убежит". В это время шапка так низко сползла, что я совсем не могла видеть. Я немного приподняла её и тут же от какого-то толчка оказалась на земле в снегу. Коза увидела мои глаза и узнала меня. Теперь она бодала меня то с одной, то с другой стороны. Я кричала не своим голосом, дрыгала ногами, хотя совсем не было больно, большой ватный костюм был надежной защитой. Всё равно я кричала и плакала – от стыда за мое поражение, от обиды за провал моей идеи. На мой крик из дому вышли родители, папа мой смеялся так, как никогда раньше. Коза бодала, а я чувствовала, что она это делает с большим наслаждением и все-таки без злобы. Мама увела козу в сарай, а я с позором ушла в дом и долго не могла успокоиться. Папа пытался меня успокоить, но я и на него обиделась, за то, что он так громко смеялся.

Праздник Рождества мы праздновали 24 декабря вместе с семьей моей сестры Марии (Цвингер) и другими родственниками. Weihnachten, когда мама стряпала разные вкусные, сладкие булочки, большой пирог и конечно кренделя – Brezeln; когда в канун праздника вдруг кто-то стучал в окно, большей частью в окно нашей кухни, и это был вовсе не стук, а какое-то поскрёбывание прутиком, а то и пучком тонких прутиков по стеклу. И это означало, что завтра придет Христкинд. И в день праздника снова показались прутики в окне, и мы, дети, тотчас послушно усаживались рядком и взволнованно ожидали...

И приходила Христкинд вся в белом, как ангел. И Христкинд была моя мама!

На следующий день в школе был утренник младших классов в честь праздника Нового года. Это было и окончание первого полугодия учебного года, и начало зимних каникул, которые продолжались до 11 января. В моем табеле были одни пятерки, за это я получила подарок – большую деревянную коробку с акварельными красками. Кульки со сладостями получили все. В хорошем настроении я шла домой, в этот морозный праздничный день.

Осторожно открыла калитку. Козы нигде не видно. Быстро побежала и поднялась по ступеням – козы нет. Остановилась, очень хотелось бы угостить её печеньем, но... Вдруг я услышала звуки, напоминающие мне плач маленького ребенка или мяуканье котёнка. Откуда это? И вспомнила – у Луски должны быть козлята. Мгновенно я бросила подарки, спрыгнула с крыльца и пошла на звуки. Они доносились из нашей летней кухни-пекарни, в которой мы летом кушали и проводили много времени, а зимой хранили в ней сено и солому для скота. Дверь была открыта, я медленно вошла. Лускэ лежала на сене. Беспомощно она тянула голову в сторону двери и смотрела на меня. Около её живота лежали они – четыре крошечных, влажных козленка, от которых поднимался пар. Я присела возле её головы, и мои руки ласково скользнули по её носу, костистому лбу: „Лускэ, бедняжка". И она смотрела на меня с полным доверием, как раньше. Тогда я быстро поднялась и побежала в дом, крича: „Мама, у Луски 4 козлёнка". „Что? При таком морозе?" Она быстро взяла корзину из кладовой, какие-то платки или одеяльце, и побежала. Я за ней.

„Боже милостивый (Du lieber Gott), – сказала мама. – И в самом деле, четверо. Не подарок ли это? Видишь, Ли, – так она иногда меня называла, – какой удивительный рождественский подарок тебе Боженька сделал. Теперь Лускэ не будет больше на тебя сердиться". Я под села к ней и ласково гладила её. Она закрыла глаза, довольная. Потом сделала такое движение, как будто она мне кивнула, что наверно означало: мир. И дружба. Навсегда.

Надеюсь, что этой небольшой историей из моего детства мне удалось этих животных-коз показать в реальном свете. Всё-таки я питалась козьим молоком до двенадцати лет. Довольно рано стало моей обязанностью летом снабжать коз питьевой водой, когда они паслись между нашим двором и обрывистым берегом реки Караман с веревкой вокруг шеи, которая была закреплена на забитом в землю деревянном колышке. Я с удовольствием проводила там время, особенно если были там и козлята, с которыми я могла играть в догонялки или демонстрировать им свои умения в гимнастике.

Грустно я прощалась с ними, когда мама их раздаривала нашим родственникам.

Однажды летом построила пара ласточек гнездо под нашей крышей, непосредственно над входной дверью, над крыльцом. С интересом наблюдала я за этими очаровательными птичками и прислушивалась к их щебетанью. Когда я заметила, что только одна ласточка прилетает и улетает из гнезда, я спросила у отца, куда девалась вторая ласточка. Он ответил. „А вторая сидит на яичках и высиживает птенцов". Он поднял меня и посадил на своё плечо: „Посмотрика, сидит там ласточка или нет. Только тихо и не шевелись". Да, там сидела ласточка. А потом появились птенцы. Мне и снизу было видно, как родители кормили их. Прошло время, и однажды я как раз хотела подняться по ступеням, чтобы войти в дом, как вдруг выпорхнул один из уже подросших птенцов и упал прямо на самый край нашего крыльца. Тотчас я заметила, как наша кошка, лежавшая во дворе на солнце, мигом подбежала к крыльцу и приготовилась к прыжку, но я опередила её, упала животом на птенчика и закричала: „Папа!". Он взял кошку и запер её в доме. Птенца он посадил в гнездо.

Мой дядя Петер был слесарем. По примеру своей сестры Эммы он вступил в комсомол и по комсомольской путевке поехал на Урал строить Магнитку – Магнитогорский металлургический комбинат. В 1935 году его арестовали и осудили на 5 лет (по 58 статье).

По возвращению из лагеря он остался в Мариентале и работал на МТС слесарем. Для своего сына, моего кузена, он построил санки. Это были самые красивые санки из всех, которые я видела. Полозья были из металлических труб, закругленные впереди. На полозьях закреплён короб из дерева, окрашенный в ярко-красный цвет. В сравнении с другими санками эти были намного выше. Мой кузен Гелик был еще совсем маленький, и санки получила я – временно. Мои соученики очень мне завидовали, когда уроки физкультуры зимой проводились с катанием с горы на санках. Некоторым я давала мои санки по разу прокатиться. Больше всего же я каталась с моей лучшей подругой Ирмой Зандер после уроков или по воскресеньям. Мы втискивались вдвоем в короб. Несколько раз нас дразнили „Принцессы на красных санях". Для нас тогда слово „принцессы" казалось ругательным. Потом санки получил опять Гелик.

Большую часть своего свободного времени я проводила в нашем дворе, который всегда был чисто убраным, после сильных снегопадов снег перелопачивался за ограду. После того как снег растает, двор и улица перед домом очищались метлой. Иногда мели мы втроём: мама, папа и я. Перед праздниками полосы земли (шириной примерно 50 см и как по линейке) вокруг дома и перед воротами посыпались желто-белым песком. От этого наш дом с белыми ставнями выглядел еще лучше. За песком мы с мамой ходили довольно далеко к нашей речке.

С моей подругой Ирмой Зандер, у которой семейное прозвище было Дильве, мы часто играли в мяч, особенно в настенный мяч. Ирма была большая мастерица в этой игре и превосходила меня. Очень любили мы игру в классы, когда надо по нарисованным на земле „классам" перепрыгивать из одного в другой по определенным правилам.

С Ирмой, её старшей сестрой Марией и младшим братом Владимиром, которого мы называли Валотт или просто Лотт, мы устраивали летом прогулки. Мы купались в нашей реке Караман и с большим удовольствием ловили раков. Осенью, после купального сезона, мы иногда ходили в фруктовые сады, после того как был уже снят урожай, и находили там еще сливы, яблоки и груши.

Охотно я играла с Розой Ромме или с Леной Морозовой, у которой папа был русский, и дома у них говорили только по-русски. Иногда я просила её сказать несколько слов по-русски, но она очень стеснялась и только один раз перевела мне несколько слов.

Совсем особое отношение у меня было к Норе (Элеоноре) Рау. Она была на несколько лет старше меня, была очень хороша собой, интеллигентна и хорошо воспитана, что особенно нравилось моей маме. Её родители были учителя. Она часто приглашала меня пойти с ней на прогулку.

Несколько раз я ходила с ней в библиотеку, где она обменивала уже прочитанные книги. И она мне пересказывала их так искусно, талантливо, что я затаив дыхание слушала её. Я очень гордилась дружбой с Норой, и она была моим идеалом. Что она во мне находила – не знаю, но однажды я ей продемонстрировала своё умение в гимнастике и она спросила: „Где же ты тренируешься?“ Я ответила: „Немного в школе на уроках физкультуры, а потом с козлятами на лугу“. Нора обняла меня и громко смеялась.

К моему десятому дню рождения подарила мне моя сестра Мария семиструнную гитару, которая в те годы была широко распространена по всей России. Мария наша очень любила петь и прекрасно пела с переливами на тирольский лад. Я думала, что она и на гитаре наверно играет, но нет, не она, а наш дядя Петер показал мне, как двумя-тремя аккордами можно сопровождать различные мелодии. Со временем я стала неплохо играть даже сложные мелодии.

На лето моя сестра с мужем и детьми выезжала в поле. Туда они брали с собой корову, кур и весь скарб. В поле была у каждой семьи небольшая изба из глины. Для приготовления пищи сооружался во дворе очаг наподобие плиты. Муж Марии Александр работал в колхозе трактористом. Женщины при необходимости тоже работали в поле, при этом одна из них поочередно присматривала за всеми детьми. Дважды (два лета) я тоже бывала в поле у Марии и помогала при прополке зерновых.

Однажды зимой, в начале 1941 г., мама поехала к моей сестре Элле на несколько дней в Луй. Её муж Адольф Шнайдер работал там бухгалтером. У них были две маленькие дочери-близнецы. Звали их Антонина и Изольда. Мама моя очень скучала по внукам и намерена была поехать к ним всего на 2–3 дня. Однако прошло уже 4 дня – мама не возвращалась. Между тем у нас кончился хлеб, который мама напекла про запас, и Мария вынуждена была сама поставить тесто на хлеб, но забыла своевременно его перемешать, и оно сбежало почти всё через корыто на деревянный крашенный пол. Коза тоже издевалась над Марией – не хотела ей молоко отдавать. Подошло время постельное белье менять, а папа наш заупрямился: „Нет! Не будем менять до приезда Сины“. В общем, всё пошло у нас вкривь и вкось, и ко всему этому проштрафился наш зять Александр. Со своими коллегами он праздновал какое-то событие и прокутил при этом 25 рублей! Драма, да и только. Вся наша родня была обеспокоена этим. Наконец папе удалось через кого-то узнать, что Синэ приедет в воскресенье.

Между тем приходили к нам дядя Петер с женой Евгенией и тётя Анна, предлагая свою помощь, папе же всё это казалось забавным и смешным. Тогда Петер, тоже со смехом, предложил к приезду Синэ подготовить какой-нибудь небольшой концертик, т. е. сочинить стихи про всё, что произошло в доме в отсутствие хозяйки, чтоб её покритиковать, и пропеть все под гитару. Предложение было принято.

К сожалению, сохранилось в моей памяти только несколько строк из сочиненных нами куплетов:

Wir kamen aus dem Kaukasus  
und wollen mal probieren  
Franze Sine ist nach Luj gefahr'n  
Die wollen wir kritisieren

Maria wollte Brot uns backen,  
doch sie verschlief die Zeit,  
der Teig stieg über den Trog auf den Boden  
das Vieh fraß ihn dann auf.

Der Zwinger hat in einer Nacht  
25 Rubel verkracht...

В воскресенье приехала, наконец, мама.

Мой дядя Петер дирижировал, при этом у него на голове была маленькая круглая и пёстрая шапочка, называемая тюбетейка, едва державшаяся на одном ухе. Было очень смешно. Я сидела с огромными бантами в волосах и играла на гитаре. Мария с завитыми волосами что-то навесила на себя – она запевала. Тётя Женя (Евгения), принарядившись, тоже подпевала. Все мы пели весьма усердно.

Мама, озябшая, сидела у самой печки, от тепла потом покраснелась и смотрела то на нас, то на папу и на всех родственников, разместившихся кто на чём, и громко смеясь. Мама смотрела как-то безучастно и чуть удивленно, и только тогда, когда наше пение дошло до момента, как Цвингер 25 рублей пропил, она вздрогнула, всплеснула руками и произнесла: „Jesus und Maria“. Сам Александр громко смеялся, и она ему, конечно, простила его проступок.

Проявление интереса к сценическому искусству было не случайным в нашей семье. Мой дядя Петер был большой мастер рассказывать различные истории или сказки. При этом он умел наглядно представить как в смешной, так и в самой трагической позе, например, зайца или волка. Также его сестра Анна. Только в её рассказах всё происходило в радости и веселье. Моя мать совершенно преображалась, когда играла Christkind или снегурочку под ёлкой. Я с детства играла в школьном театре. Наш последний новогодний праздник в немецкой школе был в канун 1941 года. Мы представляли небесную сказку о звёздах, луне и солнце. Моя мама вложила много труда, чтобы смастерить для меня костюм солнца.

Мой четвёртый учебный год шел к концу, прошло полтора года, как я вступила в пионерскую организацию. Считалось, что только лучшие могут быть приняты, на деле же принимали всех. В нашем классе только одна девочка не была в пионерах, потому что она была верующая. Всем принятым пионерам повязывали красные галстуки, длинные концы которых скреплялись впереди специальным зажимом. На зажиме было изображено красное пламя, что символизировало цвет пролитой пролетарской крови в Великой Октябрьской социалистической революции.

В вестибюле нашей школы были вывешены фотографии лучших учеников. В нашем классе лучшими тогда считались: Виктор Гербер, Фрида Киндеркнехт, Альберт Пиннекер, Александр Роор и Лидия Герман, то есть я.

Все мы были на одной фотографии.

Первую неделю летних каникул я провела у моей сестры Марии в поле. Потом была дома и большую часть времени проводила с подругой Ирмой. В этот период мы особенно увлекались прыганьем через скакалку, которой мы, можно сказать, овладели в совершенстве: и вперед, и назад, и на одной ноге, и с накрест сложенными руками... Очень нам нравилось прыгать группами. Мы собирали девочек с нашей улицы, брали длинную толстую (бельевую?) верёвку, двое из нас крутили верёвку, остальные прыгали. Удовольствие неопишное!

Несколько раз мы были на реке, а вечерами сидели на завалинке нашего дома или перед домом Ирмы и рассказывали различные истории и сказки.

В какой-то день было объявлено, что в следующую субботу для детей нашей улицы возрастом 8–14 лет будет организована прогулка на природу – с ночёвкой.

В самодельный мой „рюкзак“ я вложила одеяло, маленькую подушку, что-то поесть и необходимую посуду. Совсем юная девушка (возможно, учительница) повела нашу группу из 10–12 подростков в дубовую рощу, в которой я прежде никогда не была. Взволнованные, исполненные жадой приключений, мы бодро и радостно шагали по улицам нашего прекрасного Мариентала. Прохожие останавливались и махали нам. На ночлег мы расположились у подножья сравнительно высокого холма, к которому примыкал своей окраиной дубовый лесок. Царственные деревья росли просторно, широко раскинув свои ветви, и создавали прохладную тень на земле. В то же время эти деревья (дубы), словно сговорившись, уступали место лужайкам, густо поросшим травой и ярко освещенным солнцем, что придавало особую красоту. К тому же холм сам был весь покрыт пестрыми цветами. Я наблюдала, как они к вечеру клонились вслед за солнцем, а при заходе солнца совсем закрывались. Всё это волшебное представление природы запечатлелось в моей памяти и как символ моего детства сохранилось до сегодня.

Вечером мы сидели у костра, негромко говорили и зачарованно наблюдали наступление ночи. Всё было таинственно-сказочно.

Сидели мы до потухания костра. Это затянулось, наверно, за полночь (часов у нас не было), и мы проснулись, когда солнце уже стояло довольно высоко. Цветы уже раскрылись и стояли, выпрямившись в своей свежести, в своем разноцветном великолепии.

Мы побродили еще по долине, прятались за стволы дубов, пытались определить возраст того или иного из них. Потом мы сидели в дружеском радостном кругу и доедали остатки нашего провианта. Время пролетело, мы нарвали по букетику цветов на память и направились домой. Когда мы дошли до села, то начали как можно громче петь, чтобы все нас услышали... Но к нашему удивлению, мы никого не встретили, никто не вышел со двора.

И только завернув на нашу улицу, мы увидели толпу людей у дома Радиовещания. Через громкоговоритель сообщалось о чём-то очень серьезном, важном. Встревоженно мы прибавили шаг, и когда подошли, остановились, как громом пораженные. Сообщалось о том, что началась война. Гитлер напал на наш Советский Союз... Окинув взглядом толпу, я поняла, что из нашей семьи здесь никого нет. Сорванные цветы потеряли всякое значение... Стремглав я побежала домой, думая, может, они еще не знают.

Ирма, её сестра и брат побежали тоже. Володя (Lott) вдруг громко произнес: „Теперь все мужчины пойдут на фронт, и я тоже. Я буду пилотом!“ И с широко распростёртыми руками он помчался в сторону своего дома, громко при этом рыкая, подражая мотору самолёта.

Зайдя во двор, я увидела своего отца со сложенными руками, сидящего на ступени крыльца. Наморщив лоб, он слушал радио (из открытого окна нашей кухни). Я остановилась перед ним. Он посмотрел на меня своими большими, глубоко сидящими карими глазами.

„Папа, ты тоже пойдешь на фронт?“

„Нет, наверно. Для фронта я уже старей. А молодые, наверно, пойдут. Посмотрим еще“.

Подошла мама с заплаканными глазами, взяла цветы, и я пошла за ней в летнюю избушку к столу.

Вскоре приехала Мария со всей своей семьей прямо с поля, хотя там радио не было, они каким-то образом узнали о случившемся.

Мария плакала всё время, близко к сердцу принимая эту беду.

В этот же день стало известно, что немцев, т. е. наших мужчин, на фронт не возьмут.

Теперь дискутировался вопрос, почему немцы не имеют права пойти на фронт? Может быть, нам не доверяют и это не совсем безосновательно? А что будет, если Гитлер до Волги

дойдёт? Нам, детям, немного было понятно из этих вопросов и ответов, да и говорилось всё тихо, чтоб мы не слышали.

Взрослые опять пошли на работу, и казалось, что всё осталось как было. Однако радио слушали с утра до вечера. В передачах сообщалось о продвижении фашистов вперед по территории нашей страны, о количестве убитых и раненых. И о том, как храбро и мужественно сражались наши Советские войска.

Меня тоже интересовало происходящее, и мне хотелось бы, прежде всего, знать, все ли немцы – фашисты, и кто есть я? Я была немка, безусловно, и в то же время я была в советской пионерской организации. Я чувствую себя равной со всеми живущими в Советском Союзе людьми. Мы все имели право на образование. Мой дядя Альфонс выучился на ветеринарного врача. Мой кузен (двоюродный брат) Александр Роор (Alexander Rohr) окончил литературный факультет и работает в республиканской газете в Энгельсе. Моя тётя Эмма училась в Саратове и Москве и работает теперь в Ленинграде старшим научным сотрудником в историческом музее. Она писала нам, чтобы я после окончания школы приехала к ней в Ленинград, чтобы поступить в высшее учебное заведение. А теперь?.. Слушали по радио об окружении Ленинграда. А что с тётей Эммой?..

Проходило лето. Шла война. Жизнь в Мариентале текла своим чередом. Но напряженное ожидание чего-то висело в воздухе. Ходили слухи, и в том числе слух о том, что нас, немцев, выселят...

После 20 августа вернулись с поля колхозники, которым надо подготовить к школе детей. Учебный год, как всегда, должен начаться 1 сентября. Моя племянница Марийхе пойдет во 2 класс. Мой школьный ранец давно уже упакован к первому учебному дню в 5 классе, и я с нетерпением жду встречи с моими школьными подружками.

Но этого не произошло.

28 августа определило и решило судьбу всех российских немцев. Указом Верховного Совета СССР было предписано переселение немцев в районы восточнее Урала...

Мой отец читал этот Указ в газете снова и снова. Подавленный этой гнетущей новостью, он сидел, словно окаменев, на ступенях и едва реагировал на наши вопросы. Уже на следующий день было проведено собрание, на котором сообщалось, что у нас еще есть время собрать наши пожитки, чтобы сдать скотину в определённое место. На лошадях повезут нас до ближайшей ж.д. станции Нахой, на расстоянии 16 км. Оттуда нас повезут поездом в Сибирь, куда именно – неизвестно.

Семья моей сестры Эллы проживала в с. Луй, что в десяти км от нас. Муж Эллы Адольф Шнайдер был бухгалтер в правлении, а Элла заведовала швейной мастерской. Их дети-близнецы Изольда и Антонина были под присмотром пожилой одинокой женщины. Мы звали её Lissbeth Mutter.

От моей матери я узнала о том, что она, Елизавета, была монашка, жила в монастыре под Ленинградом. В тридцатые годы всё, что имело отношение к христианству, было разорено, и она приехала в Луй к своим дальним родственникам. С трудом она пробивалась в жизни до тех пор, пока не познакомилась с моей сестрой Эллой, которая после декретного отпуска снова хотела приступить к своей работе и искала подходящую женщину, которая присматривала бы за её детьми. Лисбет (Лиза) с радостью приняла предложение. Она переселилась к семье Шнайдеров и была их детям не только хорошей няней, но и наилучшей воспитательницей.

Теперь же встал вопрос о том, с кем пойти в изгнание: с родственниками или с семьей Шнайдер, которая получила разрешение приехать в Мариенталь, чтобы с нами вместе покинуть родину. Лисбет выбрала семью Эллы и тоже получила разрешение выехать вместе с нами. Для неё это было даром божьим, так как она не могла уже представить себе дальнейшую свою жизнь без любимых детей и этой семьи.

Сын моей тети Анны, мой кузен Александр Роор (называли его Саша), приехал из Энгельса, где он работал в газете и якобы начал писать книгу.

Теперь собрались почти все родственники моего отца, не приехал только Альфонс, наверное, он выехал с семьей своей жены. От Эммы не было никаких вестей, но ждали её до самого отъезда.

Папа объяснил нам, детям, что мы уедем отсюда далеко, там будет холоднее, чем здесь, но получим жилье и будем ходить в школу. Только учиться будем, наверно, по-русски.

Мои родители и все взрослые родственники очень изменились за последнее время, стали очень тихими. Задумчиво бродили по двору, останавливались вдруг и, оцепенев, смотрели перед собой в одну точку...

Моя мама меньше других скрывала свою печаль, часто плакала в свой фартук. В эти дни я впервые увидела в её руках чётки (Rosenkranz), которые она до этого всегда прятала, и как же я удивилась, когда увидела в её руках маленькую книжечку в переплёте из слоновой кости, и мама читала по ней молитву. До этого я считала, что она вообще не умеет читать и писать, оказалось же, что она знала только старонемецкий готический шрифт.

1 сентября, с разрешения моего отца, я всё-таки пошла в школу, очень уж хотелось мне повидаться с моими одноклассниками и попрощаться с ними.

Когда я приближалась к этому новому еще, единственному в Мариентале двухэтажному кирпичному зданию, на мои глаза навернулись слёзы – где же я теперь буду в школу ходить? Никого я не встретила, никого не увидела, но дверь в школу была открыта. В вестибюле внизу, где всегда соблюдался идеальный порядок, я увидела разбросанные на полу бумаги, одно из окон было настежь открыто, и легкое дуновение создавало бумажный шорох, переворачивая листы с одной стороны на другую. Доска почёта с фотографиями лучших учеников не висела на стене, она лежала на полу у стены, стекло было разбито. Под осколками стекла просматривались отдельные фотографии, среди них и наша. Если память не изменяет, эта фотография была сделана еще в третьем классе, так как в четвёртом у меня были косы.

Осторожно я вытянула её и всмотрелась в эти хорошо знакомые лица, в надежде, что мы обязательно еще встретимся. Сомневаясь, можно ли мне взять фото с собой, я всё-таки взяла лист бумаги и завернула его. И промелькнули воспоминания о каждом из одноклассников в отдельности.

Фрида особенно отличалась своей скромностью, она была молчалива и редко принимала участие в беглых опросах на уроке. На перемене она постоянно стояла с серьезным выражением у стены коридора. Но если на уроках её спрашивали, она всегда правильно и толково отвечала и у доски правильно решала задачи. Она мне очень нравилась, и было жаль, что она никогда не улыбалась. И хотелось с ней ближе подружиться.

Виктор Гербер был самый знающий мальчишка в нашем классе. Он блестяще отвечал на уроках, он знал всё, о чём писали газеты, передавали по радио. Я просто удивлялась, откуда он всё знает о полярниках, о новейших самолётах, о лётчиках и об открытиях в различных областях науки. Он уже полгода сидел со мной за одной партой, и с одной стороны я радовалась этому, с другой стороны мне было стыдно оттого, что я так мало знала по сравнению с ним. Но у него тоже была небольшая слабинка – он делал ошибки в диктантах, в то время как на уроках истории или немецкого языка он излагал свои обширные знания, и мы охотно его слушали.

Один раз в неделю читала нам наша учительница Эмма Вайгель (Emma Weigel) что-нибудь из художественной литературы. В тот раз это был „Том Соьер" Марка Твена. Мы слушали внимательно, особенно если речь шла о взаимоотношениях между Томом и Бекки. Мы же были в возрасте около 12 лет (нас принимали в школу тогда только с 8 лет), в возрасте, когда начинает проявляться интерес к другому полу. Как только закончился рассказ о том, как Том на штакетнике по одной букве написал для Бекки „Я люблю тебя", Виктор подвинул в мою сторону свою левую руку с прижатым к парте указательным пальцем. Под пальцем оказался

крошечный клочок бумаги с одной буквой – Я. Я в недоумении посмотрела на Виктора, дескать „что это?“. И тут же появилась таким же образом буква л. Когда появилась третья буква ю, я совсем растерялась и опустила голову... а буквы приходили и складывались в те же слова, что были написаны Томом на штaketнике... Я больше не могла смотреть на моего соседа. Не могла понять, почему он это написал, я же не Бекки. Что мне теперь делать? Может, мне надо что-то сказать? В полной растерянности я после звонка ушла домой с зажатыми в кулаке бумажками.

После этого случая нас рассадили, чему я очень радовалась.

Теперь Альберт Пиннекер, он сидел где-то сзади меня, самый красивый мальчик в классе, а может быть, и в школе. Его отец был инженером и работал в М.Т.С., его мать была русская. Он был всегда хорошо одет и выглядел интеллигентно. С наступлением тепла, после зимы, он носил зелёную шапочку на голове в виде пилотки, отделанную красным кантом и украшенную красной кисточкой впереди. Шапочка в те времена называлась *испанка* в честь того, что Советская Россия поддерживала сторону борющегося за свободу испанского народа. Шапочка была очень модна, и большая часть советской молодёжи носили такие, но шапочка Альберта была особенно красива, и это привлекало внимание большинства девочек из нашего класса. Некоторые просто срывали её с головы Пиннекера и надевали её сами. Ему же с трудом удавалось получить её обратно. Иногда он перед входом в школу снимал её и прятал в свой ранец, из-за чего девочки ходили за ним и упрашивали дать поносить испанку... Иногда мне было жаль его.

Однажды, после последнего урока, когда уже все толпились у выхода, а я еще закрывала свою сумку, остановился вдруг Пиннекер возле меня и тихо спросил, не хотела бы я поносить его испанку. Испуганно я смотрела на него, а он, даже не взглянув на меня, повернулся и скрылся в толпе, а из моего ранца торчала его испанка. Моя сестра Элла была как раз у нас дома, а она имела привычку проверять мою сумку, когда приходила. Так вот и оказалась в руках у неё эта злосчастная шапочка. На её вопросы, где я её взяла – я упорно молчала, но когда она спросила, не стибрила ли я её у кого-нибудь, я вскричала: „Нет!“ – „А где же ты взяла её?“ Молчу. „Может, кто-нибудь дал тебе её?“ – „Да“. – „А кто?“ – „Пиннекер“. – „Кто такой Пиннекер?“ – „Из нашего класса“. После того как я рассказала, каким образом она мне досталась, Элла позвала маму из кухни. Мама не знала самого Альберта, но встречалась с его родителями на родительских собраниях. Она сказала, что знала о них. Всё это время Элла поглаживала шапочку в руках, вместе с мамой они находили, что она очень красивая, что она из тонкой шерстяной ткани и искусно пошита. Элла надела мне её на голову, но я тут же сорвала её, а она сказала: „Я могу тебе точно такую же сшить, если хочешь“. – „Нет! Не хочу“. И положила испанку в ранец. После ухода Эллы, когда я осталась одна в доме, я всё-таки померила шапочку перед зеркалом. На моих уже довольно длинных светлых волосах она производила действительно выгодное впечатление. Тем не менее, я не хотела иметь такую шапочку.

Когда я на следующее утро пришла в класс, Альберт сидел уже на своём месте. Не произнося ни слова, я положила шапочку перед ним на парту. Кроме Альберта в классе была только Роза Ромме, с которой мы всегда вместе уходили из школы. Станным образом девочки перестали приставать к Альберту Пиннекеру.

Александр Роор был у нас в классе самым высоким мальчиком и казался старше нас всех. Я думаю, что он и был постарше нас, потому что держался как-то особняком...

Спрятав карточку в карман, я стала подниматься на второй этаж, чтобы побыть немного в нашем классе. Но поднявшись только на 3–4 ступени, я вдруг услышала мужские голоса. Звучала ну никак не немецкая речь. Я молнией спрыгнула и оказалась на улице. Сердце моё колотилось от страха, и я не оглянулась ни разу. Промелькнула мысль: „Может, это шпионы, которые нас хотят выселить“. На деле же это были, безусловно, работники НКВД, которые организовывали наше переселение...

В этот день отвели наши мужчины скотину на приёмный пункт. Оставили нам одну свинью, которую вскоре зарезали. Мясо частично перерабатывалось в колбасу, частично засали-

валось, тушилось и запекалось в печи. Во дворе нашего деда Франце Ханнеса было устройство для копчения, так что и коптилось кое-что. Сало почти всё перетапливалось вместе с жиром в смалец, подсаливалось. И оно хорошо сохранилось до самого места назначения.

Почти все оставшиеся дни пекли хлеб, из которого сушили сухари. Из фруктов варили варенье, овощи засаливались...

Потом вдруг было объявлено, что завтра выезжаем.

Нашему двору выделили три подводы: моим сёстрам с семьями, соответственно, по двуконной упряжке, нашей семье – одноконную. Под контролем русскоговорящих надзирателей загрузались телеги. Только мой папа в нашем дворе понимал по-русски.

Вся наша одежда, постельное белье и мелкая посуда (фарфор и стекло) были упакованы в сундук, который папа смастерил из половины нашего канапе. (Так называли мы наш деревянный диван с высокой спинкой и с подлокотниками. Само сиденье – или ложе – представляло собой длинный объемистый ящик с открывающейся крышкой. Изготовлено было наше канапе мастерски из хорошего дерева в цвет остальной нашей мебели. Папа спилил спинки, а ящик распилит пополам.) Были уложены узлы с постельными принадлежностями и продуктами питания. Быстро наполнялась телега. Мне очень хотелось взять с собой гитару, но места для неё не нашлось. Последний раз мы вошли в наш домик, я села на один из двух венских стульев, которые стояли у маленького круглого, с витыми ножками, столика (украшение всего нашего жилья). В последний раз я оглядела наше жилище: платяной шкаф, стоящий впереди справа, посудный шкаф слева у двери, кровати, обеденный стол, за которым я так часто сидела с моими родителями. Большое зеркало на стене не будет больше отражать наши радостные или порой грустные лица; большие настенные часы с маятником, которые теперь не для нас будут тикать, остаются д-о-м-а...

Во дворе, между крыльцом и погребом, стояли большие дубовые кадушки, приготовленные для засолки капусты, огурцов, арбузов и яблок. Где-то кудахтали куры, а кошку мы нигде не нашли.

И вот открылись ворота, выехали Цвингеры, за ними Шнайдеры, и мы. Папа закрыл ворота, встал перед самым домом и печально смотрел на него, затем резко повернулся и сел впереди на телегу. Мы с мамой сидели на „сундуке“.

Со двора нашего дедушки Йоханнеса Германа, которого уже десять лет почти не было в живых, выехали тоже три подводы (семья Негманн: Петер, его жена Евгения, сын Гелик и дочь Голда, и семья Роор: тетя Анна и её сын Александр. Семья Зальцманн: Берта, её муж Мартин, дочь Алма и её мать Маргарет – она была мачехой моего отца). И вот наш обоз в шесть подвод двинулся в путь. Впереди всех – Петер Герман, наша подвода была замыкающей.

Нам предстояло ехать 16 км до станции Нахой.

Моя мать немного успокоилась, углубившись в свои мысли, смотрела на уже покинутые дома. На нашей улице Крупской (бывшей *Breite Gasse*), наверно, уже все выехали. Было тихо, и слышался только грохот колёс под нами. Вскоре начался подъем на нашу длинную гору, где лошадям пришлось приложить большие усилия, чтобы справиться с тяжелым грузом. Когда мы поднялись на гору, стала видна моя школа. Я встрепенулась, и мама обняла меня и уложила мою голову к себе на колени. Сама же она вертела головой, всматриваясь в дома. Все её сёстры: Анна-Мария (Ами), Мария, Паулина и Клара жили здесь на горе, и мы их никогда больше не видели.

Уже на окраине села застонала мама и, вскинув руки, громко вскрикнула „Herrgott im Himmel! Jesus und Maria! (Господь Бог на небе! Иисус и Мария!). Наш Мариенталь, наша родина! И мы должны это пережить!“

Отец мой повернулся и сказал слабым голосом: „Только не реветь“. А с передних повозок доносились до нас раздирающие сердце вопли. Мы с мамой тоже не могли сдерживать слёз. Наш надзиратель (сопровождающий) что-то сказал моему отцу. Он, наверно, понял, что ему

сказали, сошел с телеги и быстрым шагом пошел к передним повозкам. Он сумел своим спокойным видом всех немножко утихомирить.

Мы покинули наш Мариенталь навсегда.

## Глава 2

Мне по сей день не удалось установить, в какой именно день сентября месяца 1941 года мы вынуждены были покинуть Мариенталь. Судя по двум имеющимся документам, можно определить, что было начало сентября.

Копию одной из этих справок я получила при оформлении документов на выезд в Германию в 1994 г. Это справка о составе семьи Германа Александра Ивановича. На лицевой стороне стоит подпись составителя карточки и дата – 2.09.1941, на обороте – номер эшелона 885 – Барнаул.

Второй документ подтверждает сдачу и стоимость нашего дома и мебели. 6.09.1941 г. это было 3540 рублей.

И всё-таки точной даты выезда не знаю, да и не дата волновала нас тогда, а сам факт необходимости выезда и вопрос – почему? Только потому, что мы были немцы? Принимали нас за потенциальных пособников немецкой армии и фашистов?..

Говорили, что в наших домах теперь будут жить люди, эвакуированные из фронтальной полосы г. Смоленска...

По приезду на станцию Нахой мы были в тот же день погружены в подготовленные вагоны товарного поезда. Наша большая семья состояла из 23 человек, из них 8 детей в возрасте от 2-х до 9-ти лет. Моя сестра Мария была на шестом месяце беременности четвертым ребёнком. Мне было 12 лет. Нам была выделена половина большого вагона. В вагоне были встроены висячие полаты, делящие его по вертикали. Это перекрытие мы покрыли матрацами, одеялами, зимней одеждой, затем простынями. У стен слева и справа лежали подушки. Детям это было на радость, так как они имели возможность вдоволь побеситься.

В нижнем отделе были расставлены все сундуки, ящики и узлы, на которых спали те, кому трудно было взобраться наверх. Для бабушки Маргарет была установлена её кровать, которую каким-то образом взяли с собой.

Во второй половине вагона разместились родственники Эллиного мужа Шнайдера (одна семья), семья сестры нашей тётки Жени (жены Петера) и семья моей подруги Ирмы Сандер.

Старшим вагона был назначен мой отец, т. к. он был старше всех. После того как все разместились по всем вагонам поезда 885, мы отправились в изгнание. На ночь двери запирались снаружи. Для освещения вагона у нас имелись свечи, иногда зажигалась и керосиновая лампа. В вагоне имелись два маленьких окошка, без стекла, конечно, но с железными решетками. Благодаря им в прохладные ночи создавался сквозняк. Если же их закрывали, становилось душно.

Через пару дней наш поезд уже проходил по Средней Азии, где было совсем жарко. Окна были слишком малы, чтоб проветривать вагон с таким количеством людей, особенно нижний этаж, где были люди постарше и младшие дети. Дышать было совершенно нечем, и дошло до того, что мужчины решили прорубить в потолке середины вагона отверстие. Но это не удалось, так как поверх деревянного покрытия было еще покрытие из толстой жести. Надсмотрщики проявили сострадание к нам и, когда поезд остановился, открыли двери и больше их уже не закрывали снаружи. Если было прохладно ночью, мы сами их закрывали изнутри. Поперёк дверного проёма уложили длинный деревянный шест таким образом, чтобы можно было сесть, свесив ноги из вагона, и держаться за этот шест. За всё это мы были им очень благодарны.

Никогда мы не знали, когда поезд остановится и как долго он будет стоять. Два или три раза за время нашего пути на каких-то крупных станциях вдруг объявляли, что можно получить горячий обед. Тогда мужчины с ведрами бежали к вокзалу и возвращались с полными ведрами густого тёплого супа, даже с мясом.

Мы уже держали миски наготове и с удовольствием съедали суп. Несколько раз поезд останавливался прямо в степи на 3–4 часа. Тогда собиралось топливо вокруг, разжигались

костры, устанавливались предусмотрительно взятые из дома треноги, какие-нибудь прутья или просто железяки, подвешивали котлы, кастрюли или вёдра, и варилась еда... Аромат разносился по всей степи. Все считали минуты в ожидании вкуснейшей еды и поглядывали в сторону головы поезда – на паровоз, не дай Бог, загудит к отъезду. А один раз так и случилось: кипело уже в котлах, запах разжигал аппетит, и паровоз загудел. Надсмотрщики пробежали до конца поезда, командуя: "Загасить костры! На посадку! Быстрее!" Мужчины и женщины с пустыми котлами в руках, с горячими треногами, палками бежали к своим вагонам. Многие на ходу уже вскарабкивались в вагон, зачастую и в чужой, или их втягивали, только бы не остаться в степи.

Однажды мы стояли день и ночь в горах Средней Азии, недалеко от г. Джамбул (как я впоследствии узнала).

Живописный пейзаж, очаровательная местность предстала перед нами. Мы находились на неширокой долине среди высоких гор. Немногие, я думаю, из нас, видели когда-либо горы. И под словом ущелье (по-немецки Schlucht) мы понимали что-то несколько другое. Но мы находились в сказочном ущелье, по долине которого, совсем близко от нашего поезда, текла бурлящая горная речка, кругом были густой зеленью покрытые горы и чистейший воздух, который мы вдыхали вместе с этой необыкновенной красотой.

Было очень тепло. Моя мать и другие женщины взяли мыло и полотенца и повели нас, детей, к речке, которая оказалась совсем мелкой, но, тем не менее, представлялось опасным на несколько шагов войти в неё, а журчанье было настолько громким, что мы с трудом понимали друг друга.

Женщины в этот день обнаружили вблизи поезда базар. Мама завернула в носовой платок деньги, спрятала их за пазуху и пошла с другими женщинами на закупки. Вернулась она с полным фартуком яблок, груш, слив, помидор, грецких орехов и с небольшим арбузом. Тут пошла суматоха. Всем захотелось идти на базар. Наши охранники дали на это согласие. Мои родители тоже еще раз пошли, чтобы купить арбуз побольше и дыню. Горе, тяжким бременем давящее на наши души, словно отступило в этот день. Люди смеялись и шутили.

Но уже дня через два представилась нам картина совсем иного характера. Мы стояли целый день на крупной ж.д. станции, где стояли поезда, следующие по всем направлениям.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.